

Н. Н. Блохина

Игуменья Митрофания — созидательница образцовых епархиальных общин сестер милосердия (1860–1870-е годы)¹

В 1870-е годы в российском обществе явно возросла потребность в сестрах, занимающихся уходом за больными. В работе «О потребностях в сестрах милосердия» было указано, что «соболезнуя о таком положении, губернские дамские комитеты „Общества попечения о раненых и больных воинах“ взялись за дело, окликали охотниц, испросили для них дозволение посещать городские больницы и военные лазареты, чтобы приготавливаться там к званию сестер милосердия». «Окликать охотниц» — может быть не совсем точное выражение, так следовало не окликать охотниц, а искать тех, для кого уход за больными стал бы жизненным призванием.

Однако даже те, кто высказал желание ухаживать за больными, «напрасно ждали точных наставлений, объяснений и руководства», им давались неопределенные указания, без последовательности. Не хватало четкой программы действий. К простейшим приемам можно было приноровиться, «но дальше развиваться охотницы не могли и, поступивши сиделками, сиделками и остались»².

Авторы работы «О потребностях в сестрах милосердия» чистосердечно признавались во всех сложностях обучения сестер милосердия, когда еще не был регламентирован до деталей механизм их профессиональной медицинской подготовки: «Неблагоприятно было для их подготовки, что они, поступив в госпитали, тотчас же начинали службу»; в этой службе предполагалось научиться знать то, что «от них требова-

лось», но в то же время «врачам некогда (было) думать об их образовании, все они заняты», «добродушнейшие из них не могут оставить своего дела и следить за сестрами, не могут их испытывать без ущерба для больных»³. И действительно, для основательного обучения сестер милосердия требовалось, как считали современники, особое воспитательное учреждение, «где бы сосредоточивались все средства к их образованию»: «свое особое помещение», «свои врачи», которые, следуя призванию, обучали бы их «всем разумным способам ухода», «особая начальница», руководившая каждой из женщин, принятых на испытание, «своя больница», куда приходили бы больные, доверившись «мягкому и сострадательному с ними обращению»⁴. И наконец, закономерен вывод авторов указанной работы: подготовка возможна лишь в рамках «общины сестер милосердия», при общинной христианской атмосфере. «Только при таких условиях и только в Общине, под влиянием постоянного надзора и истинно христианского духа, проникающего всю практическую деятельность, могут выработаться сестры милосердия в серьезном смысле слова»⁵. Также отмечалось: «христианское самоотвержение и научное понимание дела — вот что нужно внушить женщине, приготавливающейся к этому званию, вот чем обуславливается нравственный ее характер, что будет служить ручательством за ее добросовестность в будущем, где бы ни приходилось ей служить больным; в отдаленном ли госпитале,

¹ Первая статья «Игуменья Митрофания — созидательница образцовых общин сестер милосердия (1860—1870-е годы)» см. «Традиции и современность» № 12. 2012. С. 62–95.

² О потребностях в сестрах милосердия. СПб., 1872. С. 7–8.

³ Там же. С. 8.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Там же. С. 9.

на поле ли войны, или в местности почти лишенной врачебных пособий»⁶.

Авторы цитированных строк старались опровергнуть бытовавшие предрассудки, будто это занятие для «необразованных женщин, а уход за больными есть простая служба и работа, больные с поступлением в госпиталь остаются как бы беспомощными сиротами между посторонними людьми, находятся в полной зависимости от окружающих, нуждаются не в одной медицинской помощи, но и в нравственной поддержке». В работе говорилось, что труд сестры милосердия у постели страждущего, — это «не скромный труд, его скорее можно назвать *гражданским подвигом, христианскою заслугою*» (Курсив мой — Н.Б.).

Далее составители сборника объявляли, что решение задач, поставленных перед Обществом попечения о раненых и больных воинах, будет сосредоточено в Санкт-Петербургской Общине сестер милосердия св. Георгия, возглавляемой в то время опытной сестрой милосердия Елизаветой Петровной Карцевой. И заканчивалась работа призывом ко всем желающим обращаться к Карцевой, чтобы получить ближайшие сведения об условиях поступления и пребывания в Общине.

Из российской провинции в Санкт-Петербургскую Георгиевскую общину сестер милосердия направляли девушек и женщин из различных сословий для профессионально-медицинской подготовки. Например, тамбовский дамский комитет предполагал учредить со временем тамбовскую общину сестер милосердия «Трех святителей». В связи с этим он принял «на свое попечение 10 лиц женского пола, из которых восемь занимались в 1871 г. уходом за больными в тамбовской городской больнице, а две отправлены в Санкт-Петербург для изучения этого дела в общине св. Георгия». В другом случае, калужское местное учреждение для подготовки сестер милосердия отправило в столицу и содержало при общине св. Георгия двух сестер.

Первое время при Георгиевской общине не было священника, «руководителя в религиозном утешении». Но со временем, как писалось в отчете, «поиски наши в этом отношении увенчались успехом: мы приобрели для сестер и больных

истинно-ревностного наставника и утешителя в лице многоуважаемого Алексея Колоколова»⁷. И действительно, имея такого замечательного духовного отца, Георгиевская община сестер милосердия могла развиваться в полную силу. Сестры милосердия получали и духовное окормление, и профессиональные медицинские знания.

Для общинных сестер отрадно было видеть, что их дело служения страждущих вызывало искренние отклики. Женщины с самыми различными судьбами, из самых разных сословий, встретились под покровом Георгиевской общины сестер милосердия: из калужского комитета «Общества о больных и раненых воинах» были присланы на обучение две сестры, две другие от Тамбовского комитета уже обучались; к ним присоединились сельская учительница, помещица из Тульской губернии и две акушерки, кончившие курс в Мариинском Родовспомогательном Доме. Все они пришли в общину, «желая приобрести или пополнить познания, нужные для разумного ухода за больными, просили о допущении их на лекции, на приемы и т.д. Их заявления были, конечно, приняты сочувственно общиною, готовою от души способствовать всякому искреннему стремлению на пользу страждущих»⁸.

Для разработки «Правил о сестрах Красного Креста», для определения их прав и преимуществ была составлена комиссия, в которую вошли И.М. Гедеонов, П.П. Заболоцкий-Десятовский, Ф.А. Оома, А.Ф. Петрушевский, Х.Б. Ритер. Проект был передан для утверждения в Комитет Министров.

В соответствии с «Правилами...» предполагалось, что сестрами милосердия постепенно будут заменены военные фельдшера, которые уже давно и в мирное время в военных госпиталях, и в военное время на полях сражений хорошо зарекомендовали себя. «По введении этих „Правил“ можно будет надеяться, что наши сестры милосердия будут во всем одинаково обеспечены, как и все лица, трудящиеся на пользу государства... Затем остается еще озаботиться о новом разряде наших деятелей, о недавно возникших, но весьма важных силах нашего персонала, — о фельдшерицах, которые по своему специальному образованию стоят выше сестер милосердия, вполне подменяя фельдшеров, и потому

⁶ Там же.

⁷ Подробнее об отце Алексее Колоколове см. в нашей публикации: История деятельности Алексеевского общества дел милосердия на Успенском острове (1903—1917) // Научный православный журнал «Традиции и современность». 2008. № 8. С. 97—111.

⁸ Комиссии по управлению общины сестер милосердия Св. Георгия // Вестник «Общества попечения о раненых и больных воинах». 1873. № 6. С. 12.

было бы справедливо, если б наше общество не отказалось бы встретить сочувственно пожелание сравнять деятельность и службу фельдшерниц с такою фельдшеров, предписав им одинаковые права по службе и по обеспечению впредь, а также от увечья и по другим причинам, ясно обозначенным в нашем законодательстве»⁹.

В «Вестнике попечения о раненых и больных воинах» указано, что 16 октября 1872 г. состоялось открытие отделения сестер милосердия при астраханском военном госпитале, куда поступили для ухода за больными и для приобретения фельдшерских познаний две послушницы астраханского Благовещенского монастыря, «показавшие успехи и приобретя познания, с которыми в большинстве случаев могут заменить фельдшеров». Последнее, по нашему мнению, сомнительно, учитывая знания и опыт военных фельдшеров, чья профессиональная подготовка занимала три–четыре года. Сестры получали квартиру, стол от госпиталя и жалованье 10 руб. в месяц от местного управления «Общества попечения о раненых и больных воинах».

Начало подготовки женского медицинского персонала из послушниц монастырей было положено. С благословения высокопреосвященного Леонтия, архиепископа Казанского и Свияжского, при содействии преосвященного Викторина, епископа Чебоксарского, и игуменьи казанского женского Богородского монастыря Анфимии в декабре 1871 г. «последовало открытие при казанском военном госпитале отделения сестер милосердия, из послушниц названного монастыря»¹⁰. Сестры должны были быть помещены в госпиталь на основании «Положения о госпиталях» на счет Военного Министерства, с добавочною поддержкою со стороны казанского местного управления «Общества попечения о больных и раненых воинах». Порядок смены направленных с мест послушниц для подготовки их в качестве сестер милосердия был продуман следующим образом: «...по истечении семи месяцев со дня открытия отделения сестры будут последовательно возвращаться в свой монастырь, одна за другой, по пяти в каждое полугодие, и по мере их вы-

тия из госпиталя на их место будут поступать другие. Таким образом, вновь поступающие в госпиталь сестры будут знакомиться с новою для них деятельностью в среде уже привыкших к ней сестер»¹¹.

Именно в 1872 г. относительно подготовки персонала из монастырских послушниц в дополнение к выполняемому ими «христианскому долгу» впервые прозвучало слово «призвание». «Само собой разумеется, что из монастырских послушниц поступили и будут впредь поступать в сестры милосердия лишь те, которые, чувствуя в себе призвание к этому христианскому долгу, уже изъявили, или будут изъявить на то совершенно добровольное свое согласие; причем может случиться, что в число этих сестер будут поступать послушницы не из одного Казанского монастыря, и что не все имеющиеся открываться в госпитале места сестер будут немедленно замещены».

Еще один пример: «...Курское местное управление, по соглашению с земством, поместило в хирургическую палату Курских богоугодных заведений двух послушниц курского женского монастыря»¹². Через какое-то время при хирургической палате Курских богоугодных заведений окончили подготовку одна монахиня и три послушницы. Сразу же на их место поступили две другие послушницы для подготовки в сестры милосердия¹³. Но в дальнейшем в Курском местном управлении предполагалось готовить сестер милосердия из монастырских послушниц в военном госпитале на финансовые средства «Общества попечения о раненых и больных воинах».

Образование фельдшерниц в рамках деятельности «Общества попечения о раненых и больных воинах» не должно было ограничиться «практическим воспитанием по уходу за больными», так как становилось ясно, что теоретически подготовленные лица могут быть гораздо полезнее Обществу, чем так называемые «сестры Красного Креста» с их исключительно практическими познаниями.

Несмотря на то, что императрица Мария Александровна как покровительница «Общества

⁹ Подтверждением высказанного может служить то, что редакция известного журнала «Русский врач», следуя направлению определенных кругов, а именно, требованию ликвидации уже проверенного временем звания «фельдшер» — основного помощника врача в самых различных лечебных учреждениях Российской империи, высказала следующее мнение: «Мы убеждены, что рано или поздно звание фельдшера должно исчезнуть» (Русский врач. 1891. № 1. С. 26).

¹⁰ Вестник попечения о раненых и больных воинах. 1872. № 2. С. 6.

¹¹ Там же. С. 7.

¹² Отчет Главного Управления Общества попечения о раненых и больных воинов сост. под Высочайшим покровительством государыни императрицы за 1872. СПб., 1873. С. 12.

¹³ Отчет Главного Управления ... за 1874 год. СПб., 1875. С. 23.

попечения о раненых и больных воинах» стремилась к повсеместному учреждению достойно подготовленных в медицинском отношении фельдшерлиц, в 1874 г. в Главное Управление Общества уже после известных судебных разбирательств по делу игуменьи Митрофании стали поступать самые различные, подчас неожиданные, не всегда понятные, не всегда обдуманные предложения. Так, в «Отчете Главного Управления „Общества попечения о раненых и больных воинах“ за 1874 год» по каким-то причинам признавалось необходимым как для фельдшерлиц, так и сестер милосердия получить одно общее звание «сестры Красного Креста». Из них «первый разряд» касался фельдшерлиц, прошедших теоретические и практические испытания, а второй относился к сестрам милосердия, получившим основательное практическое воспитание, но не имевшим теоретического образования¹⁴. По нашему мнению, предложенное общее звание «сестры Красного Креста» и для фельдшерлиц, и для сестер милосердия (без преподавания им необходимого теоретического медицинского курса) вносило сумятицу в систему подготовки медицинского персонала. Таким образом, под именем сестер Красного Креста в военные госпитали направлялся недостаточно образованный медицинский персонал, явно не способный полноценно выполнять свои обязанности. В этом «Отчете» есть абзац, где фельдшерлицы и сестры милосердия противопоставляются практикующим военным фельдшерам: «... как фельдшерлицы, так и сестры милосердия по их способу обращения с больным, по познаниям многих из них, по преданности к делу, и по ограниченности их материальных требований, что, в совокупности, в особенности важно в военное время, в тылу армии, — эти сестры Красного Креста, на основании изложенного стоят в нравственном отношении выше фельдшеров»¹⁵. И далее в «Отчете» говорится: «сестры Красного Креста по одному своему наружному виду должны внушать уважение и полную уверенность, что они, по назначению своему, утешат горе и муки больных»¹⁶.

3 июня 1874 г. секретарем императрицы Марии Александровны П.А. Морицем¹⁷, на заседании членов Главного Управления было высказано ее мнение, что в деле подготовки медицинского

персонала для докторов, фельдшеров и фельдшерлиц могут вполне оказать немалую помощь университетские центры и земство. Главное управление Общества обратилось циркулярно с просьбами к губернаторам, предводителям дворянства, попечителям учебных округов, ректорам университетов и председателям земских управ содействовать этому полезному делу «общими средствами» и «обоюдной помощью». Но ключевым оставалось положение: «В тех местах, где нет университетских центров или где они удалены, удобнее всего было бы основать курсы фельдшерлиц при военных госпиталях»¹⁸.

«Программа мирного и военного времени» была опубликована, и ее следовало выполнять. В печати появились положительные отклики на внесенные предложения. Казалось бы, социальная целесообразность повсеместного создания епархиальных общин сестер милосердия уже ясна, однако параллельно, исподволь, стало формироваться совершенно иное видение проекта, на более светских началах, без важнейшей и определяющей роли Русской Православной Церкви. И в этот момент неожиданно, в 1873—1874 гг., Петербургское общество всколыхнул громкий судебный процесс над игуменьей Митрофанией. Духовное лицо обвинялось в нарушении законодательства (в подлоге). Суровый приговор был вынесен вопреки очевидности того, что игуменья оказалась жертвой излишней доверчивости, плохого знания юридических вопросов и житейской непрактичности.

Существование епархиальных общин сестер милосердия складывалось в России совсем не просто. Как уже указывалось, в 1872 г. вышло в свет «Положение о правах и преимуществах Псковской Иоанно-Ильинской и Московской Владычье-Покровской общин сестер милосердия», которым императрицей Марией Александровной был дарован вновь создаваемым российским общинам сестер милосердия целый ряд налоговых льгот: здания общин были освобождены от «гербовых сборов», от «квартирной повинности как постоем, так и деньгами», а равно и от «денежных» в пользу города сборов, с разрешением производить «кружечные сборы». Но все-таки основным источником содержания их продолжали являться добровольные пожертвования.

¹⁴ Отчет Главного Управления ... за 1873 год». СПб., 1874. С. 24.

¹⁵ Отчет Главного Управления ... за 1874 год» СПб., 1875. С. 24—25.

¹⁶ Там же. 1875. С. 24—25.

¹⁷ Петр Алексеевич Мориц (1817—1898) — тайный советник, секретарь императрицы Марии Александровны.

¹⁸ Отчет Главного Управления ... за 1874 год. СПб., 1875. С. 26.

Козлинина Е. И.

Государственные органы придавали определенную значимость созданным общинам. Согласно § 8 «Положения о правах и преимуществах» «звание попечителей общины присваивалось лицам, вносящим ежегодно в пользу общин от 1000 до 3000 руб. Те из них, кто пожертвовали 1000 руб. в год, пользовались при этом правом ношения мундира VII разряда, жертвующие 2000 руб. в год — мундира VI разряда, жертвующие 3000 руб. — V разряда»¹⁹. Как записано в § 20, «попечители — члены-благотворители и действительные члены, а также лица, безвозмездно служащие при общинах, носят мундиры по форме, установленной для чиновников Духовного Ведомства православного исповедания»²⁰.

В 1871 г. вышло в свет «Постановление о возможности представлять крупных благотворителей к орденам»²¹. Игуменья Митрофания имела в высшем обществе широкую известность, что и привлекало к ней жертвователей. Е. П. Козлинина вспоминала, что сначала благо-

творители «являлись к ней смиренными жертвователями на добрые дела. А затем уже, когда она считала себя до некоторой степени им обязанной, они начинали обращаться к ней с просьбами об услугах, которые она, как сердечный человек, и оказывала охотно»²². Общественная деятельница Козлинина точно характеризует обстоятельства этого сфабрикованного дела и реакцию на него епархиального начальства, свидетельствуя о том, что «против игуменнии Митрофании возникло три грозных обвинения: в подлоге векселей М. Г. Солодовникова и Д. Н. Лебедева и вовлечение П. И. Медынцевой в невыгодные сделки». Но тут между властями гражданскими и духовными возникли пререкания: «епархиальное начальство находило выставляемые против нее улики недостаточными и наотрез отказалось санкционировать предание ее суду. Тогда гражданские власти решились обойтись без этой санкции. Предание ее суду состоялось, и следствие повелось энергично и необычно сурово»²³.

¹⁹ Положение о правах и преимуществах 1872. § 8.

²⁰ Там же. § 20. С. 34.

²¹ Козлинина Е. И. За полвека. 1862—1912. Воспоминания, очерки с характеристиками. М., 1913. С. 191.

²² Там же.

²³ Там же. С. 198.

В 1874 г. в Киеве вышла в свет книга «Идея учреждения епархиальной общины сестер милосердия при девичьих монастырях и прошедшее игуменьи Митрофании в 4-х письмах», в которой получила отражение переписка лиц, пожелавших остаться неизвестными. Эта книга, в эпистолярном жанре, представила состоявшиеся в Москве судебные разбирательства, которые в результате шумихи, раздутой журналистами, затронули все русское общество. Уже первые строки переписки раскрывают читателю личность игуменьи Митрофании, о полезных делах которой современники были в полной мере оповещены: «Ты желаешь знать подробности об игуменье Митрофании, настоятельнице Серпуховского Владычного монастыря, начальнице и учредительнице епархиальной общины сестер милосердия, Псковской Иоанно-Ильинской и Московской Владычье-Покровской общины, состоявшей под Выс. Ея Имп. Величества покровительством, председательнице „Комитета о раненых воинах“ и пр. пр.».

Воспоминания Е. П. Козлининой говорят о том, что всем здравомыслящим людям, свидетелям этого позорного суда, было ясно реальное положение обвиняемой: «Прежде всего, была выстроена и устроена петербургской община. Затем создать такую же общину игуменьи Митрофании было поручено в г. Пскове. А когда и там община твердо встала на ноги, ее же попросили устроить такую же общину и в Москве»²⁴.

Е. П. Козлинина демонстрирует несуразность последовательности полезнейших деяний игуменьи Митрофании и предъявляемых ей обвинений: «Не только устройство, но и самое строительство общин сестер милосердия было всецело возложено на умную, энергичную и деятельную игуменью Митрофанию и это — то впоследствии и навлекло на нее то несчастье, которое выпало на ее долю». На постройку и устройство этих общин через руки игуменьи проходили десятки миллионов, и «отчетностью по этим постройкам она ни перед кем обязана не была». В общинах сестер милосердия должны были сосредоточиваться все виды благотворительности: и призрение детей и стариков, и лечение неимущих больных, и обучение бедняков, нуждавшихся в знаниях и не могущих приобретение этих знаний оплачивать. «Все это устраивалось на широкую и прочную ногу,

так как сюда притекали крупные пожертвования многих богачей»²⁵.

Игуменья Митрофания здраво оценивала сложившуюся ситуацию, как никто другой понимая даже ее трагичность. Но она думала не себе, а о том, что вследствие судебного процесса пострадает важное дело, которому она отдала столько сил. Свидетельство этому — строки ее дневниковых воспоминаний: «И вот в эту эпоху безверия и разврата волею благочестивой государыни нашей, верующей в учение Христово, являются епархиальные общины сестер милосердия, учреждения своей благотворительной деятельностью угрожающие распадению нигилизма. Это поняли те, которым не нравилось это нововведение, и возбуждали дружное восстание против меня, учредительницы этих общин. Тяжело мне, я одна борюсь с этим морем вольнодумства, и чем это все кончится, не знаю. Знаю только то, что буду бороться до конца, не сойду сама со креста, пока не сведут меня те, которые меня на оный пригвоздили, не с целью моих страданий, а с целью блага общественного»²⁶.

Позднее игуменья Митрофания в «Воспоминаниях» откровенно написала о том, что у дела, которому она служила, имелось слишком много противников. Она была обнадежена известием: «Псковская духовная консистория, указом от 28 декабря, известила Псковскую общину сестер милосердия, что ее Императорскому Величеству государыне императрице благоугодно было возложить на г. обер-прокурора Святейшего Синода звание почетного члена Псковской Иоанно-Ильинской общины сестер милосердия. Такая милость государыни, конечно, упрочит благосостояние этого учреждения»²⁷. По мнению игуменьи, главным было то, что это распоряжение доказывало: императрица Мария Александровна высоко ценила участие обер-прокурора Св. Синода графа Д. А. Толстого и других лиц в созидательной работе, касающейся епархиальных общин. Игуменья Митрофания справедливо считала, что «в Пскове это известие не понравится». «Там, — писала она, — как в Москве и Петербурге, энергично распространяется молва, что я учреждаю эти общины по моему собственному желанию, из корысти и честолюбия, чтобы выказать себя. Там говорят, что ее Величество настолько мною недовольна, что перестала даже

²⁴ Там же. С. 186.

²⁵ Записки баронессы П. Г. Розен, в монашестве Митрофании // Русская старина. 1902. № 5. С. 288.

²⁶ Там же. С. 288.

²⁷ Там же.

меня принимать, что я нахожусь под судом, что община Псковская в скором времени должна будет закрыться, и что я в благотворительной помощи не нуждаюсь более и пр. пр. Все это говорится, конечно, с целью удалить благотворителей и подорвать местное народное ко мне доверие»²⁸. Игуменья Митрофания откровенно признавалась: «Разными газетными статьями стараются гласно очернить меня; одним словом, всеми силами, во всех слоях общества имеются агенты тайные и явные, которые стараются мешать моей деятельности клеветой. Неоднократно мои недоброжелатели закидывали меня грязью, возносили на меня гнусную ложь и даже обвиняли в подлогах. Епархиальные общины их волнуют, они предвидят их процветание, потому что купечество русское не поет еще их преступную песнь, старики и старушки дают мне деньги для учреждения общин, они верят и понимают, что я все эти скорби переносю из любви к моему Отечеству»²⁹. И далее с горечью: «Да, при таких чувствах тяжело быть непонятой одними, оклеветанной другими, еще более тяжело видеть застой в делах»³⁰. Последняя ее фраза перекликается с сегодняшней ситуацией: «Газеты врут, но неужели ж я буду внимать крику безумной толпы, кричащей без своего собственного соображения вслед за закупленными редакторами и репортерами: Ох, эта гласность — ее обращают во зло»³¹.

Размышляя о пережитом, игуменья Митрофания сетует: «Подпольная адская интрига великих и малых мира сего принесла им давно желанные плоды. Я арестована, а за что? почему? и для чего? Арест есть мера не наказания, а лишь только пресечения обвиняемому возможности уклониться от следствия и суда, но эта мера принимается лишь только тогда, когда действительно есть опасение, что обвиняемый способен принять меры к бегству или тому подобному. Относительно меня такие опасения были напрасны. Арест я встретила совершенно спокойно, и мне странно

только то обстоятельство, что мое начальство о моем аресте ничего мне не сообщило. Неужели прокурор имел власть арестовать меня, не имея на то согласия моего начальства, — я ведь на должности, имею счастье служить под покровительством ее Величества; неужели же такое самовольно дозволено законом?»³².

Действительно, она была помещена в тюрьму, хотя могла бы до суда, по поручительству или под залог³³, быть на свободе. Об этом позднее вспоминала Е. И. Козлинина: «От нее не взяли ни поручительства, ни залога, и она была заключена в тюрьму»³⁴.

Известный духовный писатель А. Н. Муравьев задавался вопросом в частном письме от 11 декабря 1873 г.: «Сейчас прочел в газетах, что игуменью Митрофанию поместили в каземат Суцевской части. И как же никто из духовных властей не поднял... голоса в ее защиту?»³⁵. Но если А. Н. Муравьеву ничего не было известно о защите духовными лицами игуменьи Митрофании, то прокурор Санкт-Петербургского окружного суда А. Ф. Кони уже после процесса намеренно вводил сограждан в заблуждение: «никто не двинул для нее пальцем, никто не замолвил за нее слово, не высказал сомнения в ее преступности, не пожелал узнать об условиях и обстановке, в которой она содержится. От нее сразу, с черствой холодностью и поспешной верой в известие о ее изобличенности, отреклись все сторонники и недавние покровители. Даже и те, кто давал ей приют в своих гордых хоромах и обращавший на себя общее внимание экипаж, сразу вычеркнули ее из своей памяти, не пожелав узнать, доказано ли то, в чем она в начале следствия еще только подозревалась»³⁶. Это не соответствовало действительности. К сожалению, журналисты, участники травли подвижницы, не давали в периодической печати сведений о тех, кто защищал игуменью Митрофанию. Но те, кто наблюдал сложившуюся ситуацию, в отличие от юриста А. Ф. Кони, видели совершенно иную картину происходящих событий.

²⁸ Там же. С. 288—289.

²⁹ Там же. С. 289.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 293.

³² Там же. С. 290.

³³ Касаясь вопроса «отпуска под залог», игуменья Митрофания писала: «чтобы меня взять на поруки, московский купец А. И. Попов дал взаимобразно 30 000 рублей, но этот залог не был принят, следовательно на поруки меня не отпустили» // Русская старина. 1902. Т. 110. № 5. С. 290.

³⁴ Козлинина Е. И. Указ соч. С. 198.

³⁵ Записки баронессы П. Г. Розен... С. 292.

³⁶ Кони А. Ф. Избр. произв. Статьи и заметки. Судебные речи. Воспоминания. М., 1956. С. 867—868.

Епархиальное начальство наотрез отказалось санкционировать предание ее суду.

Митрополит Иннокентий (Вениаминов) был одним из первых, кто выступил в защиту оклеветанной матушки игуменьи. Митрофания получила письмо от преосвященного Леонида. «Он мне пишет, что я напрасно думаю, что мое епархиальное начальство равнодушно ко мне, напротив, говорит он, оно принимает самое горячее участие в деле моем, и все что возможно, будет сделано. Что же касается до отзывов людских, то исходящее от людей, дела не знающих, не должно смущать никого, и он от всей души желает мне мира и благоуспешности»³⁷. За нее хлопотали и сестры Владычного монастыря, и настоятельница Страстного монастыря в Москве игуменья Валерия. В течение двух недель, пока рассматривалось дело в суде, по указу Святейшего Синода в московских церквях ежедневно служили молебны: «о даровании игуменье Митрофании силы перенести ниспосланное ей испытание»³⁸. Поразителен контраст отрицательных отзывов А. Ф. Кони с благожелательными воспоминаниями игуменьи Митрофании о нем самом. Так, она сообщала, что ее посетил в Санкт-Петербурге «прокурор Санкт-Петербургского окружного суда А. Ф. Кони, прося в случае какой-либо надобности адресоваться к нему, и обещал устроить все к моему спокойствию. Один вид этой благородной личности и его приемы доказали мне, что он с достоинством проходит свое трудное служение. Я видела, что этот человек с сердцем, желающим открытия только одной истины; я видела, что он молод годами, но стар разумом»³⁹. Возникает вопрос: почему молодому юристу было необходимо предстать в светлом образе перед той, против кого с его участием готовился заведомо обвинительный судебный процесс? Можно предположить, что ему хотелось бы завуалировать свою роль в оклеветании безвинно осуждаемой матушки. С течением времени обострялась картина противостояния набиравших мощь сил нигилизма епархиальным общинам.

Те, кому не нравились нововведения игуменьи Митрофании, возбудили «дружное восстание» против нее. Е. П. Козлинина, находясь в гуще событий, встала на сторону опальной матушки: «В деле игуменьи Митрофании столкнулось

два противоположных течения, из которых одно совершенно исключало другое. С одной стороны молодежь, привыкшая смотреть на людей дореформенного строя как на насильников и радовавшаяся, когда ей удавалось захватить кого-нибудь из них покрупнее, а тут как раз удалось схватить духовное лицо, да еще обличенное таким саном, да еще аристократку, пользовавшуюся доверием Высочайших особ. Ну, как же им, разночинцам, было отказать себе в удовольствии столкнуть ее с пьедестала, а уж кстати и окунуть ее в ту грязь, с которою им самим ежедневно приходилось соприкасаться! Тут-то и хотелось быть беспощадным. С другой стороны, старая женщина, аристократического воспитания, при которой всякая деловитость считалось неженственной, не понимавшая, что нарушение требуемых законом форм в денежных расчетах может оказаться преступным»⁴⁰.

Отдавая должное уму матушки, ее собранности, ответственности, А. Ф. Кони, несомненный мастер литературного портрета, бросает тень на ее образ: «Это была женщина обширного ума, чисто мужского и делового склада, во многих отношениях шедшего вразрез с традиционными и рутинными взглядами, господствовавшими в той среде, в узких рамках которой ей приходилось вращаться. Эта широта воззрений на свои задачи в связи со смелым полетом мысли, удивительной энергией и настойчивостью не могла не влиять на окружающих и не создавать среди них людей, послушных Митрофании и становившихся, незаметно для себя, слепыми орудиями ее воли»⁴¹. В другом месте он обращается к облику игуменьи, усматривая за ординарностью вида готовность к преступным замыслам: «Наружность Митрофании была ... совершенно ординарной... ни ее высокая грузная фигура, ни крупные черты ее лица, с пухлыми щеками, обрамленные монашеским убором, не представляли ничего, останавливающего на себе внимание, но в серо-голубых, на выкате глазах ее под сдвинутыми бровями светился большой ум и решительность...»⁴².

Е. П. Козлинина объективно старается представить некоторых действующих лиц судебного разбирательства. Вот портрет одного из них: «Своеобразен был и товарищ председателя

³⁷ Записки баронессы П. Г. Розен... С. 290—291.

³⁸ Там же. С. 205.

³⁹ Там же. С. 291—292.

⁴⁰ Козлинина Е. И. Указ соч. С. 199.

⁴¹ Кони А. Ф. Избр. произв. Статьи и заметки. Судебные речи. Воспоминания. С. 866.

⁴² Кони А. Ф. Собр. соч. Т. 1. М., 1966. С. 65.

VII отделения Суда Д.Е. Рынкевич. В январе 1869 г. он был назначен в Москву в качестве товарища прокурора, и ему, совместно со следователем, было поручено вести следствие по делу игуменьи Митрофании. Как человек властный, он часто бывал несдержан, и его тон нередко принимал то резкий, то саркастический характер, а это оскорбляло обвиняемую, которая, как дочь наместника Кавказа, баронесса Розен, всю жизнь вращалась при Дворе и совершенно не понимала, как может образованный человек глумиться над старой женщиной, да еще в такое время, когда она бессильна ответить ему тем же. Это она не раз ставила ему на вид, но у него не хватало мужества сознаться, что он не прав, хотя в душе он всегда раскаивается, что не сумел вовремя сдержаться, а между тем такое его отношение к игуменье Митрофании, а равно и тот суровый режим, которому она подвергалась в тюрьме, дали ей повод утверждать на Суде, что „во время следствия она подвергалась всем пыткам, которые только могла придумать средневековая инквизиция“⁴³.

Деятели, принимавшие участие в этом судебном процессе говорили ярко, зло, иронично. Издевательским оттенком отличалось обращение к игуменье знаменитого юриста Ф.Н. Плевако: «Выше, выше стройте стены вверенных вам общин, чтобы миру не видно было дел, творимых вами под покровом ясы и обители»⁴⁴.

Все обвинители как-то старательно обходили тот факт, что мотивов к совершению предъявленных обвинителями правонарушений у игуменьи Митрофании не было, поскольку все ее отношения с добровольными жертвователями строились на доверии. На постройку и устройство общин в Санкт-Петербурге, Пскове и Москве через руки игуменьи действительно проходили миллионы и отчитываться по этим постройкам она ни перед кем обязана не была. Но в судебных заседаниях ее продолжали очернять и забрасывать грязью.

Создавая общины, игуменья Митрофания принимала добровольные пожертвования. Перед крупными жертвователями она чувствовала себя до некоторой степени обязанной и выступала ходатаем по их делам. Из сохранившегося в Центральном историческом архиве г. Москвы

дела явствует, что компетентные представители Русской Православной Церкви сделали все от них зависящее, чтобы показать участникам судебного процесса, как высоко были оценены иерархами Русской Православной Церкви и императрицей Марией Александровной деяния игуменьи Митрофании, что подтверждается не только внушительным перечнем ее заслуг, но и всех полученных ею наград⁴⁵.

Игуменья Митрофания неоднократно получала благодарность и благословение от Московского митрополита Филарета, а 16 апреля 1868 г. «за особенное попечение и благоустройстве Владычного монастыря» награждена золотым наперсным крестом от Св. Синода⁴⁶. 10 августа 1871 г. игуменья была объявлена высочайшая признательность от императрицы «за примерную заботливость и ревностные труды» по устройству Московской епархиальной общины сестер милосердия, а 29 июня 1872 г. императрица отметила ее «за неутомимые и ревностные труды по содержанию и устройству Московской Покровской Общины сестер милосердия». 7 марта 1871 г. Митрофания была избрана председателем московского дамского комитета «Общества попечения о раненых и больных воинах». В послужном списке игуменьи Митрофании значится, что она судима и оштрафована не была и высокопреосвященнейшим митрополитом Московским Иннокентием аттестована следующим образом: «качеств очень хороших и послушании Ему способна»⁴⁷.

Суд на игуменье Митрофанией, в духе времени либеральных реформ императора Александра II, был открытым, гласным и «состязательным». Он проходил при открытых дверях, в помещениях, вмещавших достаточно много публики. Журналисты имели право подробно освещать его в печати. Допросы обвиняемых, истца, свидетелей, предъявление улик были построены по принципу своеобразного «состязания» между двумя сторонами: прокурором, представлявшим обвинение, и адвокатом (присяжным поверенным), выступавшим в роли защитника обвиняемого. Было создано объединение присяжных поверенных, в которое входили адвокаты, имевшие высшее юридическое образование. Но именно адвокаты, в отличие от судей и следователей,

⁴³ Козлинина Е. П. Указ соч. С. 175.

⁴⁴ Кони А. Ф. Избр. произв. Статьи и заметки. Судебные речи. Воспоминания. С. 869.

⁴⁵ Центральный исторический архив г. Москвы (далее ЦИАМ). Ф. 203. Оп. 762. Д. 313. Л. 206.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

являвшихся представителями Министерства юстиции, не имели никакого отношения к государственным органам.

Председателю окружного суда и двум его товарищам (заместителям) следовало следить за тем, чтобы судебное заседание проходило в рамках закона. Исход же судебного процесса определялся введенными в то время присяжными заседателями. Казалось бы, именно они олицетворяли одну из главных идей новых «судебных уставов»: вроде бы, суд должен был носить не формальный характер, а «справедливый», «праведный», опираясь прежде всего на общечеловеческие понятия о правде и справедливости. Но ведь при этом, судьба обвиняемых отдавалась в руки его сограждан, не имевших, зачастую (в 1860—1870-е годы такое неоднократно случалось) не только юридического, а зачастую и вообще никакого образования. Их решения часто были спровоцированы эмоциями от ярких выступлений юристов. В заключение судебного заседания «присяжные заседатели» удалялись в особое помещение, где должны были четко и по возможности единогласно дать ответы на вопросы, поставленные перед ними председателем суда. Ими должно было быть, прежде всего, высказано коллегиальное мнение относительно степени виновности обвиняемого и т. п. Получив от «присяжных заседателей» лист с записью их ответов, судья, основываясь на соответствующих статьях закона, выносил приговор.

Данный судебный процесс напоминал спектакль, куда публика буквально рвалась, чтобы услышать приобретающих известность и блистающих красноречием «судебных звезд». Современники свидетельствовали: «Вся Москва рвалась в суд послушать это дело, но билеты на вход в заседание задолго были розданы лишь немногочисленным счастливым»⁴⁸. Наэлектризованная толпа, подогретая публикациями в газетах, жадно внимала «проповедникам», судебным «златоустам», старательно бичевавшим служителей Церкви за явно вымышленное стремление последних к наживе.

В предисловии к книге «Дело игумении Митрофании», вышедшей в свет в 1874 г., составитель стенографического отчета Е. П. Забелина поддерживала обвинение: «Когда и защитник подсудимой, как он сознался благородно в своей

речи, поколебался в убеждении о ее невинности и личные доводы противной стороны нашел непоколебимыми: в это самое время, повторим мы, среди толпы раздавались голоса, вторившие игуменье, что все это подкуплено. Какую, однако, массу капиталов надобно иметь, чтобы подкупить всю печать, экспертов, свидетелей, суд, самих защитников наконец?»⁴⁹.

Е. П. Забелина не задается вопросом, кто и каким образом подкупил конкретных лиц (в воспоминаниях матушка Митрофания высказывает убеждение, что ее эксперты были куплены); ее волнует финансовая сторона вопроса, хотя, по нашему мнению, следовало призвать к ответу явных недругов игуменьи Митрофании, наличие которых признает Е. П. Забелина. Совершенно неожиданно раскрывается тенденциозность судебного процесса над игуменье Митрофанией: «Если бы настоящий процесс, помимо своего содержания, представил в себе только свидетельство о несомненном превосходстве гласного суда по совести, о несомненной пользе правосудия, в свободе печатного общественного мнения: этих двух обстоятельств достаточно уже, чтоб дать ему знаменитость»⁵⁰. Значит, перед организаторами процесса стояла задача доказать «несомненное» превосходство гласного суда «по совести» и «несомненную пользу правосудия» и «свободе общественного мнения». Ее выполнения уже достаточно для того, чтобы цель была достигнута. К сожалению, устроители судебного спектакля остались в тени. А публика, «не умея разобраться, где кончалась правда и начинался напускной пафос, в своем увлечении такой интересной новинкой рукоплескала новоявленным пророкам, требовавшим человеческих жертв, — пишет свидетельница Е. П. Козлинина, — Присяжные заседатели, будучи костью от кости этой толпы и плотью от ее плоти, не преминули выразить свою непрерывную с нею солидарность, все-таки объявили свой „самый суровый приговор“».

В последнем слове игуменья, обращалась с надеждою к присяжным заседателям, ища у них защиты от нападок, уповая на справедливое решение: «Меня присяжные, обвиняют невинную ... Вы разорите целое учреждение, и не одно, а несколько; вы отнимете кров у сирот, которых я собрала, если обвините меня»⁵¹. В заключи-

⁴⁸ Козлинина Е. П. Указ соч. С. 200.

⁴⁹ Дело игумении Митрофании. Подробный стенографический отчет, сост. Е. П. Забелиной. [Прения] М., 1874. С. VI; Игуменья Митрофания выражала свое убеждение в том, что эксперты по ее делу были куплены.

⁵⁰ Там же. С. XIII.

⁵¹ Н. А. Матушка Митрофания // Отечественные записки. 1874. № 11. Ноябрь. С. 272.

тельном слове она вызывает к совести каждого из присяжных: «Господа присяжные заседатели! Все четырнадцать дней вы были свидетелями того позора, тех обвинений и тех страданий, которые я перенесла; перенесла же я их по моей любви к страждущему человечеству...»⁵². Далее, следуют слова исполненные достоинства: «...Нравственная оценка как моей личности, так и моей деятельности, в течение 22-х лет, принадлежит моему епархиальному начальству... Вы читали мой формулярный список, над которым г. прокурор позволил себе даже глумиться, значит, он не придает никакой веры аттестату моего начальства, которое одобрило меня в хороших качествах; он не дает веры, как видите, одобрению высокопоставленных лиц»⁵³. На справедливое замечание игуменьи Митрофании, что в прошлом ее благотворительные дела были поддержаны императрицей Марией Александровной — особой Царственного Дома, прокурор Жуков, агрессивно иронизирует: «Она с необычайной дерзостью осмеливается называть и ссылаться на такие имена, пред которыми благоговеет вся Россия, которые составляют славу и гордость России — имена Особ Царствующего Дома»⁵⁴.

Подсудимая старалась объяснить присяжным заседателям суть своих действий, то, чем она буквально жила не один год: «Я собрала пожертвований до миллиона рублей. Никогда никто не подавал на меня ни одной жалобы. Мое епархиальное начальство никогда не относилось ко мне иначе, как с благоволением. Тех сумм, тех средств, которыми я пользовалась, было достаточно. Мне не нужно было совершать подлоги... Отчеты я подавала своевременно... В течение 12 лет было подано пособий более чем 150 тысячам больных, дан приют более чем 200 тысячам странниц, воспитывалось более 300 сирот. Вот, господа. присяжные, каким образом я приобрела доверие, которое я старалась заслужить... Присяжные заседатели, если Господь подкрепил меня перенести те пытки, которые я перенесла (плачет), если он подкрепил меня здесь на суде и я была так тверда в эти 14 дней, то это есть особенная Его милость...»⁵⁵.

На это последовала язвительная реплика в прениях: «Дело благотворения, помощи к ближнему только тогда пользуется сочувствием, когда

оно построено на добровольных жертвованиях, то есть тогда, когда благотворитель жертвует сознательно, из желания помочь своему ближнему. Когда же это благотворение вымогается путями незаконными, путем обмана или насилия, тогда и самое благотворение теряет свое значение, и дело, для которого оно требуется, перестает пользоваться доверием общества»⁵⁶. Игуменья старалась показать, что у нее не было даже малейшего мотива для совершения подлога: «22 года я не имела никакой нужды совершать подлоги: вдруг на 23 год я польстилась в пользу сирот... Спрашивается, в чем же я виновата? Чем я исказила монашество? Не тем ли, что я старалась служить страждущему человечеству?»⁵⁷.

Судебный процесс над матушкой игуменьей Митрофанией закончился 15 октября 1874 г. До последней минуты она не теряла надежды быть услышанной присяжными заседателями.

Компрометируя личность игуменьи Митрофании и ее дела, силы так называемого либерально-демократического лагеря фактически смогли дискредитировать на долгое время целое направление по созданию образцовых епархиальных общин сестер милосердия. Но, несмотря ни на что, это важное направление государственной работы в рамках Русской Православной Церкви может быть с уверенностью поставлено в заслугу и императора Александра II и императрицы Марии Александровны.

При этом вполне обоснованная «Программа мирного и военного времени», созданная государственными деятелями, стоявшими во главе «Общества попечения о раненых и больных воинах», по сути дела, отвергалась недоброжелателями прежде всего по политическим причинам. А то, что уже удалось осуществить на местах, последовательно тормозилось.

Что же касается матушки Митрофании, то она до конца своих дней жила воспоминаниями о созданных ею епархиальных общинах сестер милосердия. Дневниковая запись от 18 октября 1896 г. гласит: «Сегодня годовщина памятного для меня дня. Сегодня вечером, в эти самые часы, в 1874 г. была я в Москве в окружном суде: кончилось мое дело и злобою людскою была я невинно осуждена сонмом безграмотных присяжных

⁵² Дело игуменьи Митрофании. С. 180.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 181.

⁵⁵ Там же. С. 181—182.

⁵⁶ Там же. С. 182.

⁵⁷ Там же. С. 183.

заседателей, в числе которых был раскольник секты перекрещенцев, имеющий против меня сильную злобу за раскрытие тайной молебни в 1866 г. в Серпухове». Здесь раскрывается злостный умысел недругов против игуменьи Митрофании как руководительницы подготовки епархиальных сестер милосердия по всей России, что было чрезвычайно важно для повышения обороноспособности армии. Ведь только подобные влиятельные недруги могли заниматься специальным поиском в уездном городе Серпухове Московской губ. раскольника секты перекрещенцев, имевшего злобу на игуменью, и включить его в число присяжных заседателей.

Глубоко верующая матушка рассматривала перемены в ее жизни как исходящие от Бога. Она пишет: «Суд начался 5 октября, я при появлении моем в оном была удивлена переменой по закону назначенных присяжных заседателей для моего дела. Возражений я не сделала, во-первых, не зная прав моих для отвода незаконно и тайно от меня назначенных судом, а во-вторых, все и вся предоставляя Богу, я эту перемену приняла как бы исходящую от Него». Она уверовала в промыслительность происходящего судебного процесса: «Укрепили же меня мысли, что если сам Господь наш Иисус Христос был приведен на суд Пилата, что же я? Неужели же мне не благодарить Господа, что он дал мне возможность быть соучастницей в Его страданиях? Я дала обет пред крестом, пред Евангелием, переносить без разбора всякий позор. От вас зависит отнестись ко мне с доверием или без доверия»⁵⁸. «Гут много говорилось о моем высоком положении, но я об этом никогда не думала; я считала, что я обязана действовать, если Господь дал мне способность помогать страждущему человечеству. Какая тут может быть корыстная цель? Что мне нужно?»⁵⁹.

Матушка Митрофания так оценила сложившуюся ситуацию: «14 дней я находилась в травле и глядела на судей и присяжных, как на палачей, а не как на людей, правду по закону решающих. Измученная нравственно пыткой в присутствии гласного суда, где тысячи глаз были обращены на меня, убогую, разукрашенную Высочайшими наградами, 14 долгих дней я ждала решения присяжных, т.е. моей участи, и вот, наконец, в 3 часа ночи на 19-е число все было кончено...»⁶⁰. И далее:

«Слово мое присяжным было сказано от души, изложено искренно, в нем было между прочим первое: что Господь подкрепит меня перенести те пытки, которые я перенесла на суде; что мою твердость отношу особенной милости Божией, что меня грешную много укрепляла постоянная мысль, что если Сам Страдалец Иисус был приведен на суд Пилата, то как же мне, паче всех худейшей, не испытать тех страданий, к которым я осуждена: второе, что меня подкрепляет, тот обет, который я дала пред крестом и Евангелием во время моего пострижения, переносить без ропота всякий позор. Вот те мысли и те чувства, с которыми я встретила решающий мою участь приговор людей, а не Бога. Я была укреплена тем чувством, что я опозорена за мою безграничную любовь к вверенным мне сестрам Владычного монастыря, к бедным больным, к сиротам, призреваемым и ко всему страждущему человечеству, которому я служила, поистине сказать, день и ночь. Все вышеуказанное возбуждало мои нравственные силы, любовь к монашеству, мои внутренние душевные убеждения, тягость, которую я ощущала постоянно от моего высокого положения. Людской приговор я выслушала, по совести, спокойно, точно будто речь шла даже вовсе не обо мне; мне казалось, что я не осуждена, но награждена судом Божиим, отнявшим от меня тяжесть, гнетущую меня по земному высокому положению. В минуты обвинения я почувствовала какую-то внутреннюю радость, вспомнив слова моего незабвенного старца и учителя в Бозе почившего митрополита Филарета: „Вы несете безвинно скорбь, а в слове «безвинно» большое утешение против скорби“»⁶¹.

Но даже в этом несправедном судебном разбирательстве, разыгранном как театральная спектакль, ей было важно быть понятой и услышанной. Хотя судебный процесс наглядно показал ее, по сути, беззащитность. Игуменью признали виновной, она была лишена всех прав и приговорена к ссылке на поселение в Енисейской губ., без права выезжать из Сибири в течение 11 лет. Заступничество близких людей и покровителей привело к тому, что ей заменили ссылку в Сибирь на кавказскую ссылку в Ставропольский Иоанно-Мариинский женский монастырь, где она жила с 1877 по 1879 г.⁶². По словам Е.П. Козлиной,

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Записки баронессы П.Г. Розен... С. 407.

⁶¹ Там же. С. 407—408.

⁶² Там же. С. 292.

«ее репутация была навсегда заклеена, и ее 22-х летней благотворительной деятельности на пользу ближних был навсегда положен предел». Остальные обвиняемые были приговорены к более легким наказаниям, но ни один из них не вышел оправданным.

В этом сфабрикованном деле была предпринята успешная попытка опорочить в лице игуменьи Митрофании Русскую Православную Церковь и востребованное российским обществом направление ее деятельности.

Как только шум вокруг дела игуменьи Митрофании утих, стало возможным по-иному оценивать те же самые действия, но уже других людей. Е.П. Козлинина пишет: «Через 13 лет после случившегося указанного судебного разбирательства над игуменией Митрофанией адвокат Плевако в том же самом помещении проводил „дело Булак“, где действующим лицом была женщина, собиравшая деньги якобы на благие дела в стенах церкви и тратившая их на себя. И только глубоко вникая в „дело Булак“, известному адвокату Плевако становилось очевидным то, что перед ним совершенно неожиданно вырастала мощная нравственная фигура игуменьи Митрофании, ее бескорыстная и деятельная натура»⁶³. «Теперь перед его умственным взором игуменья Митрофания уже предстала, как подвижница, которая, собирая с грешного мира дань, все несла к подножию алтарей. И ни единая копейка из собранного не попала в ее карман, теперь он это признал»⁶⁴.

Судебный процесс 1874 г. над игуменьей Митрофанией полезно было бы сравнить с судом над террористкой В. Засулич, состоявшимся в 1878 г. Налицо виновность одной и невиновность другой еще до суда. Насколько образованное общество готово быть «присяжными», выступая дружно на стороне террористки и так же дружно «против» невольно провинившейся игуменьи, служительницы Церкви! И это при том, что В.И. Засулич призналась, что заведомо и вполне сознательно шла к своему преступлению — к убийству губернатора Трепова. И тем не менее она была оправдана, во многом благодаря заслугам того же судьи А. Ф. Кони.

А. Ф. Кони охарактеризовал взгляды новых участников российского судебного процесса — присяжных заседателей — самым нежиз-

ненным образом: «Их, однако, 12 человек, они свободны, независимы и пришли в суд свежими и чуждыми рутине и предвзятым мнениям, а между тем произнесли такое решение. Значит, они почерпнули его в своей совести?»⁶⁵. А. Ф. Кони, конечно, оказался одним из режиссеров судебного разбирательства В. Засулич. Министр юстиции граф К.И. Пален вызвал после суда А. Ф. Кони и заявил: «Все говорят, что это было не ведение дела, а демонстрация, сделанная судом под вашим руководством»⁶⁶. Присяжные должны были быть «гласом народа», но стали гласом антицерковно настроенной публики. Может быть, поэтому известный публицист и общественный деятель М. Н. Катков, видя результаты судебных разбирательств того времени, выступил за ограничение сферы компетенции суда присяжных, за исключение из его состава представителей низших сословий и введение имущественного и образовательного ценза для присяжных.

Представляет определенный интерес взгляд на эти события через несколько лет известного мыслителя, публициста и писателя, врача К.Н. Леонтьева. Замечательный писатель, человек, владевший словом, он убедительно выразил свои мысли на страницах печати относительно процессов, шедших в то время в обществе, прежде всего в двух своих работах под одним названием: «Чем и как либерализм наш вреден?» («Варшавский дневник 1880 г.»). Фактически его работа «Чем и как либерализм наш вреден?», становится открытым противостоянием либерализму, демократии и социализму.

Взяв за отправную точку широкое осмысление происходящих в обществе перемен, К.Н. Леонтьев живо и искренно высказался о том, о чем другие не рискнули бы говорить. В либеральном начале он видел завуалированную революцию, а уже в самой революции ту силу, которая уничтожит основополагающие начала русского государства — великий народ с его тысячелетней культурой, Русскую Православную Церковь, христианскую нравственность.

Признавая то, «что если принять только *современные* европейские принципы за непреложные истины социологии, то разумеется — все наши реформы проведены прекрасно; то есть, если цель демократизировать и эманси-

⁶³ Козлинина Е. П. Указ. соч. С. 320.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 233.

⁶⁶ Кони А. Ф. Избр. произв. Статьи и заметки. Судебные речи. Воспоминания. С. 869.

К. Н. Леонтьев

пировать общество русское — есть цель безусловно полезная, то эта цель достигнута новыми учреждениями вполне». К. Н. Леонтьев отказывается «смотреть на дело так односторонне и пристрастно», поскольку уверен, что «тот слишком *подвижный* строй, который придал всему человечеству эгалитарный и эмансипационный прогресс XIX века, очень непрочен и, несмотря на все временные и благотворные усилия консервативной реакции, должен привести или ко всеобщей катастрофе, или к более медленному, но глубокому перерождению человеческих обществ на совершенно новых и вовсе уже не либеральных, а, напротив того, крайне стеснительных и принудительных началах. Быть может, явится рабство своего рода, рабство в новой форме, вероятно, — в виде жесточайшего подчинения лиц мелким и крупным общинам, а общин государству. Будет новый феодализм — феодализм общин, в разнообразные и неравноправные отношения между собой и ко власти общегосударственной поставленных».⁶⁷

Глубоко мыслящий человек, хорошо знавший русскую действительность, К. Н. Леонтьев очень точно определяет положение русского общества в эпоху «Великих реформ»: «Итак, эти независимые суды наши — несравненно больше, чем земство, способствовали тому „таянию“ России,

которое теперь всех ужаснуло и которое одним репрессивным *подмораживанием* без некоторых ретроградных реформ вполне и приостановить нельзя». Он привлекает внимание к ряду «юридических жертв». «Игумены, баронессы, генералы, городские головы, отцы и матери семейств, Гартунг, Трепов, Шумахер, Митрофания. Какое нескрываемое злорадство, какая веселая разнузданность речей... И как это все выходило ловко и кстати! Прокуроры *кстати* слабы, *кстати* беспощадны... Перед нами, например, две женщины, игуменья Митрофания (вдобавок и баронесса) и акушерка Засулич. Митрофания виновата, а Вера Засулич права. Пожилую заслуженную женщину, увлекшуюся деятельным характером и желанием обогатить любимое ею религиозное учреждение, никто не жалеет; Веру Засулич, решающуюся на политическое убийство из-за коммунистических сочувствий, жалеют все и делают ей безумную овацию!»⁶⁸.

К. Н. Леонтьев предлагает читателю встать на иную (не принятую в то время обществом) точку зрения: «Но вообразим себе иное настроение русской интеллигенции, к которой принадлежали бы и судьи, и адвокаты, и обвинители, и публика, и часть присяжных». Леонтьев полагал, что, если «настроение общества было бы *консервативное*, представим себе, что великодушные правительства, давшего такие свободные суды, обращено было бы на людей солидных, умно скептических, т. е. в *Европу* и в *благо* демократии не очень влюбленных, и даже из знания европейской истории извлекающих совсем не то, что обыкновенно у нас извлекается... нашлись бы люди, которые по собственной инициативе, убедить высшее духовное начальство Московской епархии — наказать поскорее игуменью духовным строгим судом и избежать всячески публичного скандала...»⁶⁹.

«Светский суд медлил бы нарочно, для избежания огласки. Публика боялась бы, чтобы игуменья не попала на скамью подсудимых. Но положим — приостановить дело, *замять* его с некоторой *формальной несправедливостью* и с большим *государственным тактом* — оказалось бы невозможным. Игуменью судят гласным судом... Но как?..»⁷⁰. «Все смущены (хотя бы и притворно — и то хорошо; ибо притворство в этом

⁶⁷ Леонтьев К. Н. Собр. соч. Т. 7. М., 1913. С. 186.

⁶⁸ Там же. С. 189.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С. 189–190.

случае доказывает только почтение к известному принципу)... Председатель ведет сессию, по возможности, в пределах закона, благоприятно для подсудимой; он не *позволяет* адвокатам и прокурорам *говорить против монастырей вообще*. Судьи не обращаются к набожной старушке, сказавшей: „Матушка так мне приказала“ (или „благословила“), с насмешливым вопросом: „А разве у вас *своего разума нет*“... Никто не позволяет себе таких публичных возгласов: „Монастыри отделяют себя от мира высокими стенами, но обществу надо себя ограждать от них (т. е. от их злоупотреблений)“...»⁷¹.

И далее, К. Н. Леонтьев открыто пишет о том, что два рассматриваемых им судебных процесса действительно становятся поворотными точками в общественной жизни того времени: «И если бы в таком обществе и осудили бы Митрофанию, *по невозможности* оправдать ее, то это бы сделали так, как сделали Иафет и Сим, т. е. отвернувшись, покрыли бы наготу отца, а наша интеллигенция поступила при этом процессе, как цинически глумящийся, гнусный Хам. „Так ее и надо! Так! Вот так! Она баронесса! Она игуменья! Так ее! Так!“ Игуменью Митрофанию за подлог юридически „травят“. Вере Засулич, посягавшей на энергичного градоначальника, устраивают апофеоз. За что же стреляла она в градоначальника? Влюблена она была, что ли, в того политического арестанта, которого генерал Трепов высек за дерзость в тюрьме? Не была ли она с ним в любовной связи? Ничуть! Тогда бы к ней, вероятно, были бы строже. Но она не имела никаких личных отношений с этим арестантом и хотела убить градоначальника во имя „равенства и свободы“. *Ее оправдали, ей сделали блистательную оvation*. В петербургских газетах писали, что выстрел ее из револьвера будет иметь значение как поворотная точка, после которого политических арестантов или совсем не будет, или они будут иметь право грубить безнаказанно начальству. Речь защитника Александрова, даже в ораторском и литературном смысле вовсе не замечательная, размазанная, аляповатая, лубочная, нравится петербургской публике и увлекает ее... Судят вовсе не убийцу, не Веру Засулич, а жертву ее, т. е. судят генерала Трепова... Веру Засулич выносят на руках и т. д.»⁷².

К. Н. Леонтьев давал совершенно справедливую оценку деятельности писателей и журналистов, в травле игуменьи Митрофании: «Один из гг. Градовских напечатал тогда в „Голосе“ восторженный фельетон, и все это из такого пустяка, что генерал Трепов высек какого-то дерзкого арестанта... Тут уж, во всем этом, нельзя никак видеть либерализма *наивного*, а надо видеть именно тот *злонамеренный либерализм*, против которого г-н Александр Градовский протестовал так умильно и даже робко в статье „Смута“»⁷³.

К. Н. Леонтьев предлагает «вообразить тех же самых двух женщин: игуменью Митрофанию и акушерку Засулич, — перед судьями *не-европейского духа*, перед судом мужиков или старинных купцов Островского. Такие судьи, имеющие не либерально-европейский, а свой собственный русско-византийский общественный идеал, отнеслись бы к делу совсем иначе. Игуменью Митрофанию они бы *поняли* и, осуждая ее, быть может, старались бы смягчить ее наказание; и ни в каком случае они бы не срамили ее сана с низким злорадством неверующих людей... Веру Засулич они бы просто и понять бы не могли, и наверно — или сослали на каторгу, или бы жестоко наказали ее телесно... Из двух зол мужики и купцы Островского скорее бы поняли подлог, чем эту *ненависть к властям* *предержащим*, которую обнаружили в деле Засулич и действующие лица, и публика, и печать петербургская...»⁷⁴.

«И если мы, — пишет далее К. Н. Леонтьев, — сопоставив эти два знаменитые процесса двух столь противоположных женщин, сблизим еще, с другой стороны, процесс Веры Засулич с делом Гартмана и с объяснениями, представленными республиканцем Энгельгардтом, то окажется вот что: „В наше время все роды преступлений наказываются строго, кроме антигосударственных преступлений“... Веру Засулич оправдали в Петербурге потому, что она стреляла (по выражению одного московского простолюдина) „в заслуженного *царского слугу* как в какого-нибудь пса!“; Гартмана не выдали именно оттого, что он хотел убить *не частное лицо, а Государя*»⁷⁵.

С вынесением судебного приговора игуменья Митрофании не только недруги игуменнии,

⁷¹ Там же. С. 19.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. С. 192.

но и недруги России могли торжествовать, так как неугодное направление заглохло. Интересно очень емкое и точное заключение уже упоминавшейся свидетельницы судебного разбирательства Е. П. Козлининой, наблюдавшей это нашумевшее сфабрикованное дело от начала до конца: «Никому не пришло в голову, что только женщинам, подобным Митрофании, отказавшимся от своей молодости и личной жизни, последующие поколения были обязаны тем, что все те гуманитарные идеалы, о которых люди 1840-х годов только платонически мечтали, были шаг за шагом воплощены в осязательные, реальные формы»⁷⁶.

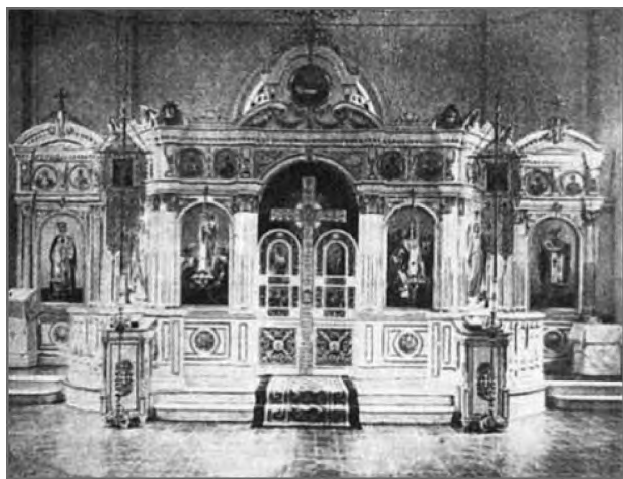
После суда над игуменьей Митрофанией общины в Пскове и Москве попали в крайне тяжелое положение. Государственно мыслящие люди старались помочь им выйти из него. Так, в Пскове был открыт комитет, который положил себе целью поддержать «амбулаторную» при Иоанно-Ильинской общине⁷⁷. Из «Московских Ведомостей» мы узнаем, что московский генерал-губернатор по просьбе Московского митрополита обратился к Городской думе с предложением, не найдет ли она возможным принять на счет города содержание Владычно-Покровской общины, которая «осталась без всяких средств»⁷⁸.

Благодаря «Отчетной записке о деятельности Московской Покровской общины Сестер

Милосердия за 1872—1882 годы» (1882 г.) мы видим, что после судебного разбирательства над игуменьей Митрофанией многие хорошие начинания прекратились. Так, «Отчетная записка» свидетельствует: «Вначале при Общине открыто было операционное отделение (лечилось 48 человек). Это отделение приносило несомненную пользу больным, именно важное значение для практического обучения сестер милосердия со всеми обязательствами их служения страждущему человечеству; но вследствие печальных обстоятельств, случившихся с оной в первые годы, отделение это было закрыто»⁷⁹.

Священник московской Владычно-Покровской общины сестер милосердия позднее откровенно писал о всех трудностях, которые пришлось пережить общине: «Известный, наделавший много толков судебный процесс против учредительницы Общины, почти в конец разрушил все высокие планы ее. Прежде чем Община успела раскрыть пред интересующимся обществом свои гуманные и истинно благотворительные цели, как на нее обрушились целые горы упреков, нареканий, всевозможных угроз и т. п. Общественное мнение, возбужденное упомянутым процессом, перенеслось с личности на самое учреждение и подвергало его своей беспощадной критике; оно-то закрывало его совершенно, то снова призывало к жизни, хотя под другим именем. Газетная пресса поддерживала, развивала и распространяла в обществе подобные толки. Люди, выразившие желание поддерживать ее своими личными пожертвованиями и привлечением к тому же других, разом отпали от нее, а некоторые и совсем о ней забыли. Оставленная и позабытая всеми Община поставлена была в такое критическое положение, что ей оставалось одно — прекратить свою деятельность и предать забвению самое имя свое»⁸⁰.

В это трудное время пришел к ней на поддержку «приснопамятный покойный Владыка Московский митрополит Иннокентий. Благодаря его нравственной и материальной помощи, община с небольшой горстью оставшихся верными ей сотрудников (5-6 человек) в сознании правоты своего дела и явной пользы его для общества, собра-

Храм Всех скорбящих Радость
при С.-Петербургской Покровской общине сестер милосердия

⁷⁶ Козлинина Е. И. Указ соч. С. 206.

⁷⁷ Вестник Общества попечения о раненых и больных воинах. 1875. № 4. С. 6.

⁷⁸ Н. А. Указ. соч. С. 266.

⁷⁹ Там же. С. 12.

⁸⁰ Отчетная записка о деятельности Московской Покровской общины Сестер Милосердия за 1872—1882 годы. М., 1882. С. 4.

лась с своими последними силами и с верою на Бога и надеждою на добрых людей взялась за предназначенную ей деятельность, начиная с малого и доходя до большого». Община фактически в то время жила подаяниями. Священник Владычно-Покровской общины сестер милосердия, отвечая на заданный вопрос своим оппонентам, говорит: «Как же все-таки удавалось после сильнейшего потрясения — судебного процесса над игуменьей Митрофанией продолжать существовать Общине? Какими средствами располагала Община, чем жила и живет? Не погрешим, кажется, если скажем, что она жила и живет подаянием». Но именно после судебного процесса стало ясно, что деятельность Общины зависит от сочувствия русского общества к ней и поддержки ее в трудную пору: «По самому характеру устройства, степень развития деятельности ее зависит от степени сочувствия к ней Общества; чем более будет это сочувствие, тем шире и яснее расширятся пред ней все ее... задачи»⁸¹.

Служение московской Владычно-Покровской общины сестер милосердия осуществлялось в следующих формах: 1) в воспитании и образовании бедных и сирот, 2) в теоретическом и практическом обучении сестер милосердия «к их человеколюбивому служению и разнообразных проявлениях этого служения страждущему человечеству» и 3) в подаянии безвозмездной помощи больным из бедных слоев. Все воспитанницы в свободное от учебных занятий время обучались в мастерских кройке, шитью и вышиванию.

Сохраненная высокая духовно-нравственная атмосфера и общинная среда позволяли все новым и новым поколениям вступать в эту общину и становиться образцовыми «епархиальными сестрами милосердия», как и было задумано императрицей Марией Александровной и игуменьей Митрофанией.

По свидетельству священника московской Владычно-Покровской общины сестер милосердия И.Ф. Мансветова, «во время сербской и русско-турецкой войны Покровская община отзывалась с готовностью удовлетворять по мере своих возможностей запросы на труд сестер: а) 12 сестер было отправлено в Сербию на время войны; б) во временном Покровском Военном госпитале, устроенном в центральном барачном здании Общины, где служили 18 сестер; в) в Московском военном госпитале — 13, а по времени и более; с) в тылу нашей действующей армии, на

Памятная доска на здании
С.-Петербургской Покровской общины сестер милосердия

санитарных поездах — 12 сестер; д) в четырех других частных госпиталях дежурило до 10-ти сестер»⁸².

Труды и скорби, понесенные на многотрудном пути игуменьи, не были напрасны и принесли добрые плоды. Казалось бы, судебный процесс над игуменьей Митрофанией продемонстрировал неспособность Российского государства в переломный момент истории обеспечить успешное развитие отечественного института ухода за больными в рамках Русской Православной Церкви. Но государство, сталкиваясь со всевозможными барьерами, тем не менее, старательно шло по пути координации ухода за больными в национальном масштабе.

Как только началась русско-турецкая война 1877—1878 гг., послушницы женских монастырей были востребованы как медицинский персонал, и они откликнулись на призыв императрицы Марии Александровны, покровительницы «Общества попечения о раненых и больных воинах». Но, к сожалению, время было упущено,

⁸¹ Там же. С. 13—14.

⁸² Там же. С. 13.

Место уничтоженного кладбища
Покровской общины сестер милосердия

послушницы не имели достаточного времени для профессиональной подготовки в полном объеме, и результат не замедлил сказаться: «По желанию Августейшей покровительницы Общества до 40 женских монастырей изъявило согласие принять участие в общем деле и дали около 300 послушниц для приготовления в местных больницах к уходу за больными. Они оставлены для местных надобностей, те из женского персонала вообще, которые оказались недостаточно подготовленными для звания сестер Красного Креста, поступили на службу Общества сиделками»⁸³.

Хотя предложенные еще в 1870 г. в «Программе мирного и военного времени» директивные направления по подготовке сестринского персонала в рамках Русской Православной Церкви не получили своего полного воплощения, можно констатировать, что их труд был востребован, а сестринские епархиальные общины доказали свою жизнеспособность.

В основу служения сестер были положены труд и духовное послушание. Например, «самая главная задача Покровской Общины — это приготовление Сестер Милосердия для ухода за больными и страждущими. В Общине существовали и существуют три разряда сестер: испытываемые, младшие сестры и старшие (крестовицы). Все, изъявляющие желание поступить

в сестры милосердия, предварительно находятся на испытании (по крайней мере, с год). В это время, приучаясь к труду и послушанию, они знакомятся с приемами своего будущего служения. Оказавшиеся способными для сего удостоивались звания сестры милосердия младшей. Звание старшей сестры, получающей крест, удостоивались после полезного и достойного служения делу милосердия в течение, по крайней мере, 5-ти лет»⁸⁴. И далее в Отчетной записке о деятельности Покровской общины за 1872—1882 гг. было указано: «Все бывшие на дежурстве сестры Покровской общины заслужили о себе доброе мнение, что часто и официально было засвидетельствовано начальству Общины. Бывшие на санитарных поездках возвратились в Общину с одобрительными о службе их свидетельствами от комендантов и главных врачей»⁸⁵. «Служение сестер было два раза удостоено Высочайших одобрений в Бозе почившей императрицы Марии Александровны, благоволившей прислать в Общину две св.иконы»⁸⁶.

Отчетная записка дает нам сведения о том, что в московском Главном военном госпитале уход осуществлялся епархиальными сестрами: «Ввиду отлично-усердной деятельности сестер милосердия Покровской общины Главное Управление „Общества попечения о раненых

⁸³ Обзор деятельности сост. под покровительством Ея Имп. Величества Общества попечения о больных и раненых воинах с начала нынешней войны. СПб., 1877. С. 33.

⁸⁴ Отчетная записка.... С. 11.

⁸⁵ Там же. С.13.

⁸⁶ Там же.

и больных войнах“ пожелало иметь на постоянном дежурстве в московском военном госпитале сестер милосердия только Покровской общины; почему с 1879 г. служат там постоянно 16 сестер»⁸⁷.

Потребность в сестрах милосердия со временем росла. Так, в отчете Псковской общины отмечено: «Благоприятная молва об отличном служении своему делу и добром поведении Сестер нашей Общины располагало общественное мнение в пользу их. Московские врачи, имевшие случай знакомиться с ними при постели больных, составляли хорошее мнение о деятельности их, почему часто родственникам или знакомым своих пациентов рекомендовали предпочтительно сестер нашей Общины. Благодаря всему этому постепенно увеличивались запросы на сестер милосердия в частные дома и общественные больницы не только города Москвы, но и вне пределов ее. Если в прежние годы число отпущенных на дежурство определялось 5, 6 и до 10 сестер в год, то в 1881 г. их было около 50-ти»⁸⁸. Отметив востребованность епархиальных сестер милосердия в городском здравоохранении, священник И.Ф. Мансветов писал: «Сестра милосердия, подготовленная к исполнению своих обязанностей, знающая свое дело и если при этом имеет доброе и самоотверженное сердце, — она не только облегчает болезни страждущих и содействует врачу в лечении их; но может доставлять истинное утешение больному и окружающим его родственникам. Бывали случаи, что больные и родственники так привыкали к сестрам, что неохотно расставались с ними, когда они должны были оставлять их дом»⁸⁹.

Эти образцовые сестры милосердия были необходимы и в провинции. Три сестры были отправлены в Полтавскую губ. для ухода за дифтерийными больными, две служили в качестве смотрительниц земских больниц в городах Переяславле и Ростове Ярославской губ.

К 1886 г. в московской Владычно-Покровской общине сестер милосердия существовали приют, в котором

находились 21 девочка и три мальчика, а также общеобразовательная школа для девиц, состоявшая из шести классов и одного приготовительного. Здесь обучались 61 воспитанница. В 1886 г. при школе были учреждены рисовальные классы, в которых в том числе готовились рисунки для рукодельных мастерских. В рукодельные мастерские (вышивальные, белошвейные, башмачные) назначались увольняемые из школы по неспособности к учению воспитанницы, для обучения какому-либо мастерству, могущему доставлять им средства к жизни. В школе шелководства, где воспитанницам давали научные сведения, относящиеся к шелководству, ученицы занимались также выкормкой шелковичных червей и размоткой и кручением шелка.

Рукодельные работы девочек экспонировались на заграничных (Париж, Лондон, Филадельфия) и отечественных (Москва, Политехническая и две Акклиматизационные) выставках и были удостоены медалей: большой золотой медали

Храм Покрова Богородицы
при Покровской общине сестер милосердия в Рубцове

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. С. 14.

⁸⁹ Там же. С. 12.

(1873, 1878), Парижской золотой (1878), малой золотой (1875), трех серебряных (1875) и четырех бронзовых (1875 и 1876)⁹⁰.

В Покровской общине в классах по начальной медицине, велось преподавание в объеме фельдшерского курса: из девяти обучавшихся воспитанниц восемь удостоились звания фельдшер.

Храм Покрова Богородицы
при Покровской общине сестер милосердия в Рубцове

В приемном покое «для приходящих бедных больных» каждый день два врача давали консультации и бесплатные медицинские пособия. Только в 1886 г. было принято 13 836 нуждавшихся в помощи человек. Сестры общины под наблюдением провизора изготовили и отпустили лекарств по 14 325 рецептам. На содержание общины было израсходовано в год 34 400 руб.⁹¹

Труды общин становились все заметнее, расширялся спектр их социальных услуг. Так, деятельность Псковской общины сестер милосердия в 1886 г. включала: 1) практическое обучение воспитанниц, «испытываемых при кроватях больных и в приготовлении их к принятию звания сестер милосердия»; 2) воспитание сирот девочек, преимущественно духовного звания; 3) рукоделие и другие труды по общинному хозяйству — аптеке, приемному покою, амбулатории и больнице; 4) церковное пение и чтение, которые сестры милосердия с воспитанницами отправляли в местной церкви. Сестры по приглашениям дежурили в

земской больнице, военном госпитале, в кадетском корпусе, Духовной семинарии, а также в частных домах. Из аптеки бедным жителям Пскова отпускались бесплатные лекарства (хотя и в меньшем, сравнительно с прежними годами размере — по 1000 рецептов ежегодно). В приемном покое общины давались советы и рецепты для получения лекарств. В больнице имелось семь кроватей для приходящих больных женского пола, которых лечили и содержали бесплатно. Работало пять врачей. Денежные средства общины доходили до 18 300 рублей (в том числе остаточных от 1885 г. 103 руб., вновь поступивших 8000; израсходовано 6 830; к 1887 г. оставалось около 11 550 руб.)⁹².

Несмотря на все испытания, которые пришлось перенести к этому времени игуменья Митрофания, она имела возможность если не увидеть плоды своих трудов, то, несомненно, прочитать о них в печати.

В 1896 г., получив Высочайшее соизволение, игуменья Митрофания на два года отправилась в Иерусалим, где жила и много трудилась. Она была занята сооружением точной копии Распятия Господня с пред-

стоящими, положив в основание полтора камня с места обретения Святого Креста, с Голгофы, из Гефсиманского сада от Гроба Божией Матери и от гробницы Лазаря и других святых мест. Созданную святыню она пожертвовала Балашовскому Покровскому монастырю Саратовской епархии, где жила в последние годы. В этом монастыре оказались пожертвованные ею драгоценная икона «Воскресение Христово» и иные иерусалимские святыни. Ее заботами был сооружен иконостас из розового дерева для храма св. Филарета в Троице-Сергиевой лавре, над гробницей митрополита Филарета.

Не один год игуменья Митрофания писала «Записки Баронессы Прасковьи Григорьевны Розен в монашестве Митрофании». Она смогла закончить их за два дня до смерти. Там мы встречаем строки из ее дневниковых записей, свидетельствующие о том, что игуменья Митрофания постоянно жила делами открытых ею сестринских общин. Запись 15 ноября 1896 г.: «Вчера

⁹⁰ Там же. С. 9.

⁹¹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1886 год. СПб., 1888. С. 18.

⁹² Там же.

был царский день для меня знаменательный: ровно 27 лет, как Псковская община освящена и открыта. Славу Богу, я еще не умерла и радуюсь преуспеянию общины». 26 июня 1897 г. она записала: «Сегодня в Москве празднуется 25-летие открытия учрежденной мною общины Покровской. Достойные деятели получают должные награды земные. Вспоминаю все бывшее торжество, когда князь Долгорукий (генерал-губернатор московский) и обер-прокурор Святейшего Синода гр. Д. А. Толстой говорили мне торжественные речи, когда бакалавр Академии Скороходов высказал о благотворной цели общества, и прочее и прочее, весьма лестное для меня. Но я скажу откровенно: эти овации, точно стрелы, поражали мое не любящее похвалы сердце, я верила только священнику Скороходову, зная, что он сам имел любовь ко всем и к лести был не причастен; все прочие овации принимала как лесть придворных сановников. В настоящие часы, вероятно, послана из Москвы поздравительная телеграмма ее Величеству, и дай Бог, чтобы императрица утешила мать игуменью Зинаиду, и тружениц сестер и детей». А следующий день принес ей животворную весть: «Сейчас до слез обрадовалась, получив телеграмму из Москвы от матери Зинаиды, которая поздравляет меня как учредительницу от лица Покровской общины с 25-летием и уведомляет, что все сестры милосердия горячо молились за меня, телеграмма послана в 11,5 часов, т. е. сразу же после обедни. Слава Богу, дожила до этого радостного дня: меня вспомнили, эта награда выше всех наград».

Игуменья Митрофания умерла в 1898 г. в Москве. Проститься с ней из разных мест «приезжали настоятели монастырей и подворий со своими певчими. Приезжала из Серпухова целая депутация, что же касается до Московской Покровской общины, то она была в полном составе. У гроба покойной дежурили попеременно монахини только Серпуховского и Алексеевских монастырей, да сестры Покровской общины. Погребение по желанию сестры покойной, последовало в Покровской общине напротив алтаря. Шествие погребальное, когда вышло на Петровку, то растянулось во всю длину — такая была масса провожающих»⁹³.

В заключение нужно напомнить, что присоединение России к Международной Женевской Конвенции заставило русское общество пойти на чрезвычайно сложное преобразование всей сложившейся к тому времени системы ухода за боль-

ными. Государство вынуждено было постепенно отходить от ведущей роли Русской Православной Церкви в решении этого вопроса. Либералы страстно поддерживали любые демократические преобразования. Поэтому формирование отечественного института ухода за больными происходило в условиях обострения политической борьбы. Даже если бы с игуменьею Митрофанией ничего не произошло, и она продолжила бы свое благое дело создания епархиальных общин, все равно нашелся бы другой способ скомпрометировать создание образцового епархиального института ухода за больными в рамках Русской Православной Церкви.

Не следует забывать о том, что первые лица государства сделали все от них зависящее, чтобы во время Великих реформ последовательно расширялась больничная сеть с продуманным механизмом финансирования доступной и бесплатной медицинской помощи бедному люду. Созидание на местах большого числа доступных «лечебниц для приходящих больных» проводилось систематически в интересах всего населения Российской империи. Учрежденное в 1867 г. «Общество попечения о раненых и больных воинах» с предполагаемой широкой сетью губернских общин сестер милосердия с действовавшими и входящими в их структуру лечебными учреждениями вполне укладывалось в этот процесс. Вместе с тем приходится констатировать, что судебный процесс над игуменьею Митрофанией замедлил развитие епархиального сестринского дела в рамках деятельности Русской Православной Церкви. Императрице Марии Александровне и ее сподвижницам удалось продолжить развитие профессионального сестринского образования в объеме фельдшерского курса.

Санкт-Петербургский Дамский лазаретный комитет в лице своей председательницы А. Н. Мальцевой, выражая волю и желание Августейшей покровительницы обществ — Императрицы Марии Александровны, выступил инициатором создания школы для фельдшерниц. Публикации в периодической печати свидетельствовали о большом желании «молодых женских сил» заняться «новым для них трудом», что красноречиво говорит о пользе учреждения фельдшерской школы.

27 июля 1872 г. в день открытия школы в Санкт-Петербурге Ее Императорское Высочество телеграммой из Ливадии на имя княгини М. Н. Вяземской выразила свою «душевную

⁹³ Русская старина. 1902. № 10–12. С. 620.

нию высокой цели его будущей деятельности; но нет никакого сомнения, что цель эта будет достигнута им, если русские женщины положат в это дело ту силу *христианской* любви и сердечного участия к горю и страданию ближнего, которые всегда живут в них и проявляются особенно в годину испытания родного края»¹⁰⁰ (Курсив мой. — Н.Б.).

В России помнили о заслугах императрицы Марии Александровны. Незадолго до ее кончины была опубликована статья М.Н. Каткова «25-летняя деятельность и нравственный облик императора Александра II и императрицы Марии Александровны». Публицист писал: «Праздник Хозяина Русской Земли есть вместе и праздник Его Царственной Хозяйки, — да укрепит Бог Ее силы и подаст Ей исцеление! Рожденная не в нашей стране, Она слилась всем сердцем и всеми мыслями с русским народом и всем бытием своим стала русской. В идеальных чертах женственности, скромности и кротости, в глубокой преданности заветам христианства Россия скоро угадала и оценила воистину русскую и православную Царицу. Чуждаясь громкой молвы и хвалений, Царица всегда строго ограничивала свою деятельность пределами жизни семейной, делами воспитания и милосердия. В години скорби и испытания Россия встречала всегда свою любвеобильную Царицу везде, где требовались утешение, помощь страждущим и молитва». М.Н. Катков в своей работе дал высокую оценку государственной деятельности императрицы Марии Александровны: «Всем памятно, как во время Крымской войны, когда вообще в Европе еще так мало думали о жертвах войны, Государыня императрица заботилась об участии больных и раненых. Всем памятно, как воодушевленные теплым участием и живыми заботами Царицы молодые люди спешили на помощь нашим героям, беззаветно отдаваясь святому делу христианского милосердия. Тогда не было

еще и речи о правильной организации Красного Креста, и отсутствие удобных путей сообщения затрудняло до крайности доставление транспортов с щедрыми Царскими дарами и пособиями на театрах военных действий. В мирное время введено неусыпным попечением Государыни *учреждение фельдшерниц*, и, наконец, вся организация Красного Креста... В прошлую войну русские женщины, направляемые своею Царственною Руководительницею, явили чудеса христианского милосердия, изумившие и умилившие даже враждебную нам Европу».

Глубоко понимавший, что реально было сделано российскими императором и императрицей, М.Н. Катков, как государственный и общественный деятель смог выделить в деятельности последней ее основные достижения и среди них попечение *об учреждении фельдшерниц* в организации Красного Креста, которые хорошо зарекомендовали себя в ходе русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Несмотря на противодействие части общества объявленное «Программой мирного и военного времени» дело помощи раненым и больным явственно становилось *«святым делом»*, которое до конца своих дней возглавляла императрица Мария Александровна. Рядом были ее единомышленницы: игуменья Митрофания, Марфа Сабина, Мария Фредерикс, А.Н. Мальцева. Это ясно прозвучало в «Программе мирного и военного времени»: *«Всякий русский, — истинный сын своей великой родины может с полным убеждением сказать, что святое дело, в челе которого стала русская императрица, и которому с благородною горячностью предали лучшие русские женщины, — достигнет широкого развития и, вспоможествуемое щедрыми пожертвованиями целого государства, всего русского народа, сохранит, со временем, для России многие тысячи ее сынов»*¹⁰¹ (Курсив мой — Н.Б.).

¹⁰⁰ Программа мирного и военного времени Общества попечения о раненых и больных воинах состоящего под покровительством Ея Императорского Величества государыни императрицы. СПб., 1870. С. XIX.

¹⁰¹ Там же. С. XX.